

АСИМ ДЖАЛИЛОВ

Р А С С К А З Ы

(Из цикла «Он и она»)

Ссора

Когда Мири в разгар зимы обрил голову наголо, даже Месме, давно привыкшая к чудачествам мужа, чуть не опешила.

– Ты что, голову потерял?

– Только часть, – уточнил тот и, глядя свежую щетину на голове, похожую на наждачную бумагу, с вызовом спросил: – А что?

– С ума, что ли, сошел? Ты разве забыл, что в субботу у Эли свадьба? Как же мы теперь на людях покажемся?

– Опять?

– Что опять?

– Да ведь только в прошлом году мы на двух ее соберушках гуляли. Не пора ли угомониться?

– Ну и мерзавец же ты, Мири! Что плохого в том, что не у всех получается с первого же раза устроить себе жизнь, свить гнездо, родить ребенка. Вот и ...

– Разве я против? Пусть сходятся и плодятся. Но почему так часто и невпопад? Долгострой какой-то...

– Так она моя самая близкая подруга.

– Ну и что?

– А то, что на день нашей свадьбы она подарила мне французские колготки и комод. А ты за день до ее бракосочетания взял да оголил свой череп, как какой-нибудь уголовник.

– Хе-хе!..

– Не «хе-хе», идиот! Если хочешь знать, единственное, что украшало тебя и вообще все наше вынужденное совместное существование, – это твоя шевелюра. Она делала тебя, уroda, похожим на Тото Кутуньо...

– Может, на Карла Маркса?

– Не видела, не знаю...

– Да-да, конечно, для этого надо было хотя бы раз в год посещать школу.

– А ты дал? Целыми днями плелся за мной и умолял соединить наши судьбы. Вот и соединили!..

Месме ненавидящими глазами посмотрела на мужа и тихо, почти угрожающе, спросила:

– Где волосы?
– Сейчас круто быть лысым.
– Нет, вы только посмотрите на него! – взывала женщина. – Тоже мне, новый топ-модель сыскался.
– Не выступай, до свадьбы этой дуры я обещаю стать опять похожим на того типа.
– На какого, Мири?
– На Тото.
– За неделю?! Ты же взрослый мужик, отец троих детей, кандидат наук...
– Уже не кандидат, а доктор, – насмешливо поправил жену Мири. – Распоряжение такое вышло: вчерашние кандидаты сегодня стали докторами. К Европе приравняли шаг.
– Смотри, не споткнись!
Мири тяжело поднялся с табуретки и побрел к холодильнику.
– Пиво не трогай, – бросила ему вслед Месме. – Я для закрутки волос его оставила.
– Да я только глоточек сделаю.
– Не смей, знаю, чем кончаются твои «чуть-чуть».
– Только без намеков, – отступил Мири и, хлопнув дверцей холодильника, вернулся к столику и грустно уставился в окно.
Поникший вид мужа несколько остудил агрессивный настрой женщины, и она, сжалившись над ним, предложила выпить холодного молока.
– Пивка бы...
– Хочешь «Славянку»?
– Славянки хороши для улады души, но не для борьбы с обезвоживанием, – пробурчал он под нос, на свой лад переосмыслив значение слова, и вновь направился к холодильнику.
– Ладно уж, отпей глоточек, – смягчилась Месме, не обращая внимания на вольнодумные рассуждения мужа о достоинствах славянских женщин. – Только, умоляю, скажи, почему среди зимы тебе понадобилось обрить себя «под нулевку».
– Я же сказал, вышло так. Я помогал Доценту, киоскеру, разгружать товар: чипсы, сигареты, напитки всякие, журналы с полуголыми девицами на обложках. Срам какой-то...
– Смотрите, стеснительный какой! Ты что, голых баб никогда не видел? – нервно дернулась Месме и призывно повела бедрами. – Только не ври, а что было дальше?
– Ничего особенного. Доцент расплатился со мной за доставку товара, дал на ночь пару свежих журналов, и я пошел к Гуламу, подстричься. Ты знаешь его, мы учились вместе, но на разных факультетах. Но Гулама в салоне не оказалось. Меня стал обслуживать стажер, его племянник, юркий такой гаденыш. Было неловко отказать от его услуг, и он на радостях, что я доверил ему свою голову, завертелся вокруг кресла и не успел я глазом моргнуть, как он перепахал мне затылок от уха до уха. Мне даже стало холодно, поверишь? Я попытался предупредить живчика, чтоб был поаккуратнее, но куда там. Его будто завели, и через минуту-другую от моего носа остался лишь пучок пряжи.
«Ты что наделал?» – говорю. А он в ответ: «Не беспокойся, муаллим, все будет о'кей, по первому разряду», – и, щелкнув пару раз ножницами над ухом, любезно

предложил для придания волосам особой мягкости и блеска помыть голову шампунем Johnson's Baby. «Как раз вода пошла», – говорит.

Я хотел задушить сучонка, но не успел, вернулся Гулам. Повесив на выходе табличку «Санитарный день», он быстро разобрался в ситуации, брякнул что-то хмыренку и, дав ему по шее, отослал за водярой. «Нашел с кем связаться! – выговорил он и мне, потом заманил в кресло и стал намыливать шею. – Сейчас – это пик моды. Чем безобразнее выпуклости на голове, тем сексуальнее смотришься. Усек? И чтоб не дать мне расслабиться, стал рассказывать о своей недавней поездке в Дубай: там всего навалом. Подходи, бери и уходи. И никакого налога! Только не поддавай...»

Успокоился он лишь тогда, когда, обрив мою голову по самые брови, мы отправились обмывать лысину в кафе-бар – «Пити-хаус».

– Так тебе и надо! – на свой лад выразила свое сочувствие Месме, а потом, неожиданно взгрустнув, спросила: – А что я скажу Эле, если она спросит, где же твой Мири ненаглядный? Почему пришла одна?

– Придумай что-нибудь. Скажи, что у меня птичий грипп...

– Нет уж, лучше свиной, это ближе к тому, что ты наплел...

– А если не поверит?

– Тогда скажу, что ты вообще сдох и потому не смог подъехать. А еще добавлю, что упокоили тебя где-то за Волчьими воротами.

– А почему не в Чемберкенде? – возмутился Мири. – Туда же рукой подать...

– Разбежался, умоляю! Во-первых, там тесно, как в коммуналке, а во-вторых, напрасно думаешь, что я целыми днями буду пропадать там и проливать свои несчастные вдовьи слезы из-за того, что тебя увели какие-то девки с обложки журналов, которым нравятся лысые ублюдки...

– Значит, ты и сороковины не дашь?

– На какие шиши, Мири?!

– Перестань, – оборвал ее на полуслове Мири и, обняв за талию, резко привлек к себе.

– Ненавижу тебя, – прошептала Месме и послушно последовала за ним в спальню...

– А твой Маркс, Карл который, тоже был доктором? – спросила Месме, доверчиво прижимаясь к плечу мужа.

– Скажешь тоже! Он создал учение, которое поставило мир вверх ногами. До сих пор трясет. И еще раскрыл секрет того, как разбогатеть, хотя у самого часто не хватало денег даже на то, чтобы расплатиться с молочником...

– Бедняга... Обожаю Кутунью, вот у кого бабок навалом.

– А ты могла бы выйти за них замуж? – спросил неожиданно Мири.

– Они из другого мира, дурачок.

– А за меня?

Месме осторожно, почти нежно, дотронулась до обритой головы мужа и тихо, как бы стесняясь, проронила:

– Возможно.

Незнакомка

Ее белые, округлые колени, едва прикрытые коротковатой юбкой, сразу же бросались в глаза, стоило лишь подняться в салон. Если бы он был дурно воспитан или чересчур ретив для своих 60 с лишним лет, то, возможно, присел бы рядом и даже попытался «навести справки» о ее планах на ближайший вечер.

Но маршрутка уже подходила к конечной остановке, и он, в последний раз кинув взгляд в сторону незнакомки, вышел из машины и направился к маркету у дороги. Поболтав с хозяином лавки, которого знал не первый год, о приближении конца света и повышении цен на бензин и кинзу, он вдруг вспомнил, что жена-сладкоеежка, помимо сметаны и овечьего сыра, велела купить также что-нибудь на десерт, и попросил продавца набрать в коробку еще дюжину пирожных и иных деликатесов к чаю.

– У вас что, банкет? – улыбнулся тот в ответ.

– Что-то в этом роде.

– Если берете для молодых, советую с кремом, а для вышедших в тираж, вроде нас, думаю, подойдут и бублики «из ничего».

Но старика не столько удивил неуклюжий совет лавочника, сколько стоимость покупки.

– Вижу, вы скоро и на дырку от бубликов будете накручивать проценты, – ухмыльнулся он и полез в карман за кошельком.

– Не скажи, сосед, сладкая жизнь всегда стоила дороже.

«Как газировка с двойным сиропом у Молоканки», – подумал старик, вспомнив о студенческих годах, и, забрав покупку, неспеша пошел к выходу.

На стоянке на него чуть было не наехала знакомая маршрутка. Набрав новых клиентов, она проехала мимо него, и он вдруг поймал себя на мысли, что пытается выискать среди пассажиров свою знакомую незнакомку. Но, тут же осознав бессмысленность этой затеи, – «не кондуктор же она, в конце концов», конфузливо побрел дальше.

«В таком случае откуда вообще она тут взялась? – распаяя свое воображение, продолжал недоумевать он. – Какая сила наделила эту гусыню такой энергетикой? Уж не сама ли природа, проказница и провокатор, постаралась таким вот паскудным образом выставлять счет тем, кто слишком рано увял, сдался, перестал реагировать на ее призывы, и давно уже не помнит, как грустно пахнут те же поздние цветы и отцветает вода в озерах в голубые дни первоосенья...»

С этими мыслями он поднялся на свой этаж и, открыв дверь своим ключом, буквально обомлел.

Его дражайшая половина, ненароком обнажив белые округлые колени, сладко спала, прикрытая лишь тенью от окна. Рядом, на тумбочке, валялись скомканые обертки от конфет «Мишка на севере» и пенсионная книжка.

Но вдруг ему показалось, что на их издавшем виды диване возлежит не его Саяя – Саялы, а незнакомка из маршрутки. Свернувшись в клубок и поджав под себя ноги, она даже не шевельнулась при его появлении.

Постояв некоторое время в нерешительности, он осторожно приблизился к жене, чуть отогнул край пледа и, почувствовав, как вдруг призывно забилось сердце, нагнулся и коснулся губами ее теплых, незащищенных колен.

– Это ты, Селим? – испуганно вскинулась женщина и стала поспешно натягивать на себя плед.

– Я...

– А почему так задержался?

– Ждал маршрутку.

– Мог бы взять такси.

– Я взял пирожные.

– Правда? – обрадовалась женщина. – Неужели ты помнишь, какой у нас сегодня день?

– Я не помню события столетней давности, – вяло отшутился старик.

– А ты мне льстишь, – улыбнулась она, медленно сползая с дивана.

Он не ответил, только слегка повел плечами.

– Ты надолго?

– Пойду готовить омлет с помидорами и луком. Помнишь, ты наготовила его в общаге в день нашей свадебной собирушки.

– Ой! А у нас, кажется, нет помидоров...

– Ничего, зато я припрятал в шкафу бутылку шампанского.

– Какой же ты скряга! Мог бы и предупредить. Недавно ко мне забежали девочки, мне нечем было их угостить.

– Я их знаю?

– Не уверена.

В это время в прихожке раздался звонок. Услужливо опередив жену, Селим поспешил к двери. Когда он отпер замки, на пороге увидел незнакомку из маршрутки.

– Ой, Нигяр, какая ты умница! – обрадовалась хозяйка дома и кинулась на встречу своей бывшей ученице.

Сухо кивнув на ее «здрасти», старик чуть замешкался, но, о чем-то подумав, направился к своему тайнику, где вот уже сколько лет хранил заветную бутылку на случай непредвиденных обстоятельств.

Женщины, увлеченные разговором, не обращали внимания на его возню возле шкафа, и только тогда, когда он, незаметно проскочив мимо них на кухню, надолго там задержался, жена забеспокоилось

– Ты не хотел бы присоединиться к нам?

– Иду, иду, – ответил хозяин дома и, выйдя из кухни, прямым устремился к парадной двери.

– Ты куда это, Селим? – удивленно спросила женщина.

– За ингредиентами.

– Чем-чем?

– За помидорами и зеленью, хотел сказать.... Забыла, какой у нас сегодня день?

– Ах, да... Но ты же говорил, что у тебя есть шампанское.

Следившая за перепалкой супругов гостя никак не могла взять в толк, что же между ними происходит, и, чувствуя неловкость, стала прощаться.

– Нет-нет, – запротестовала хозяйка дома, удерживая гостью за руку. – Надеюсь, ты не откажешься поужинать с нами. У нас сегодня памятный день...

– Какой же?

– Исторический! – со смешливым пафосом в голосе произнес старик, – когда в этот день нас окольцевали под брызги шампанского, выдали соответствующий сертификат и велели больше не попадаться на глаза, ни вместе, ни врозь...

– Не паясничай, Селим, – нежно осадила мужа Саялы ханым. – Ты же сам этого хотел.

– Да, не отрицаю, – завелся старик. – В первый раз я предложил ей выйти за меня замуж на втором курсе. Мы ехали в трамвае, было холодно и ужасно дребезжали стекла. Может, поэтому она не могла сказать ни «да», ни «нет». Во второй – на 4 курсе, после того, как я получил повышенную стипендию. Опять никакой реакции, если бы не ее жалобное признание: «А нам еще не выдали...» «Пустяки, – успокоил я ее. – На мою стипендию мы устроим той – гулянку по-комсомольски, а на твою – отправимся в круиз по Европе». «А я хотела в Шеки, к бабушке...», – расстроилась она. «Глупости», – сказал я тогда и побежал к Биби, нашей буфетчице, заказывать бутерброды и посуду из небьющегося стекла.

– Ну и болтун же ты, Селим...

– Какая прелесть! – захлопала в ладоши гостья. – Вы это придумали?

– Но это еще не все. Горячее – свое коронное блюдо – яичницу с помидорами и луком она готовила сама и при этом еще и плакала. То ли от счастья, то ли из-за крупно нарезанного лука...

– Не слушай ты его, – явно польщенная тирадой мужа, кокетливо улыбнулась женщина, потом взяла гостью под локоть и увела в смежную комнату.

После того, как старик ушел, женщины прошли к столу и занялись сервировкой.

– А ваш Селим – интересный мужчина, – молвила как бы невзначай гостья, – беспокойный такой, глазастый, это я еще в маршрутке заметила.

– Разве? Он же почти не видит...

– Сколько же ему лет?

– Все зависит от ситуации – иногда ему можно дать 20, а иногда все 100. Хорошо помню, когда мы только стали встречаться, и я отказалась прийти на следующее свидание, он хотел кинуться в бассейн, где воды было чуть-чуть.

– Какая прелесть!

– Да?.. Я тогда очень испугалась, но, подумав, поняла, что это беспредельщик с Хребтовой таким образом предлагает мне свою руку...

– Не жалеете?

– Как видите...

– Вижу, – засмеялась Нигяр, с интересом разглядывая гостиную, заставленную всевозможными сувенирами и дипломами.

– Это наша последняя «стоянка», – перехватив взгляд гостьи, улыбнулась Саялы ханым. – После окончания геофака мы с Селимом объездили чуть ли не весь Союз и не раз, но уже вместе, «ныряли» в подобные «бассейны», где воды было чуть-чуть.

– Потрясающе. Неужели вы никогда никому об этом не рассказывали? Хотя бы внукам.

– Не пришлось.

– Почему же..

– Просто их у нас никогда не было, как и детей.

– Простите, Бога ради, я не знала.

– Ничего.... Давай-ка лучше выпьем чаю, а то иди гадай, когда появится наш кормилец со своими ингредиентами.

Нигяр послушно кивнула, а потом, придвинувшись к хозяйке дома, обняла ее,

робко спросила:

– Можно, я временами буду вас навещать?

– Конечно, глупышка, нет проблем. Только... – чуть замывшись, добавила: – Не обращай внимания на фривольности моего Селима, хотя он и плохо видит, но, как многие мужчины его возраста, считает, что не утратил еще своих охотничьих навыков.

– Как интересно...

Но тут зазвонил мобильник Саялы ханым, валявшийся в углу дивана.

– Это я, – услышала она хрипловатый голос мужа. – Как вы там, не скучаете?

– Где ты?

– На автобусной стоянке. А гостя твоя еще не ушла?

– Ты поэтому позвонил?

– Поэтому тоже.

– Сладенького захотелось?..

– Любопытное создание, скажу тебе. И откуда оно взялось?

– Может, небеса послали...

– Не поздновато ли?

– Тебе виднее.

– Ладно, ладно, – поспешил замять разговор старик и попросил не забыть нарезать лук – только мелко-мелко. Теперь дело за помидорами...

– Это Селим-муаллим? – догадалась гостя.

– Да, – сухо отозвалась хозяйка дома и нервно отбросила телефон в угол дивана. – Говорит, задерживается, на автобусной остановке.

– Это уже надолго, – грустно заключила Нигяр, – пожалуй, и я пойду.

– А как же наш праздничный ужин? Да и Селим будет огорчен.

– Правда?

В это время раздалось два нетерпеливых звонка у входных дверей. Обе женщины почти одновременно кинулись отпирать замки.

На площадке стоял какой-то юнец с двумя букетами роз.

– Это прислал Селим-даи, – задыхаясь от волнения, выпалил он, – сказал, что задерживается...

– Где задерживается? – упавшим голосом спросила хозяйка дома.

– Там, на остановке. Ходит туда-сюда, на часы смотрит. Еще сказал, скажи, что собирается махнуть на «Яшыл базар» за ин-гре-ди...

– За помидорами, значит, – поправила парнишку Саялы ханым, продолжая ненароком следить за реакцией госты на очередную причуду мужа.

– Может, заодно он прихватит и меня, – радостно засуетилась та и стала прихорашиваться перед зеркалом.

... Селим вернулся под утро. Выглядел он усталым и неухоженным.

– Так где же твои ингредиенты, – насмешливо спросила Саялы ханым.

– Обойдемся шампанским, – затушевался старик и виновато отвел глаза...